

АЛИСА МАРСО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ИЗМЕНА В 45

Подняться с колен

Алиса Марсо

Измена в 45. Подняться с колен

«Автор»

2026

Марсо А.

Измена в 45. Подняться с колен / А. Марсо — «Автор», 2026

Не носила я мужу обеды двадцать пять лет, и не нужно было начинать. Я хотела вспомнить прошлое, но разрушила наше настоящее.— Откуда же ты такая взялась, куколка моя? Давно я такие ножки не трогал, – хрипит муж. Прикрываю глаза. Не первая она у него, значит? Или «давно» – это он наш брак в двадцать пять лет называет и с моими ногами сравнивает? Мне сорок пять, и после измены мужа кажется, что жизнь кончена. Но я обязательно поднимусь с колен, а он останется у разбитого корыта и со своим угасающим достоинством наперевес.

© Марсо А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Измена в 45. Подняться с колен

Глава

Глава 1

Не носила я мужу обеды двадцать пять лет, и не нужно было начинать. Я хотела вспомнить прошлое, но разрушила свое настоящее.

И сейчас стою, прижимая чертовы отбивные в судке к груди, и слушаю, как другая кормит моего мужа не мясом, а сразу десертом.

– Какая же ты сладкая, Сонечка, – хрипит Влад, а звук шлепков обнаженных бедер о женские ягодички только ускоряются и становятся громче.

– Господи, Владислав Сергеевич, боже, – стонет молоденьким голосом девица. – Там же тортик для вас. Он раздавится.

– Плевать, твоя пироженка намного вкуснее. Иди сюда. Заскакивай на капот, девочка. Какая красота у тебя там.

– М-м-м, – тягучий стон Сонечки перерастает в треск моего сердца.

Внутри все натягивается жгутом, трещит, но еще не рвется. Не могу это слышать, но и не ухожу.

Узнала ведь голос мужа, сомнений нет, и наш гараж я не перепутала, а этот тоненький, нежный голосок... Да она же девочка совсем, молоденькая, а что творит? Зачем, главное?

Боль вязкой смолой растекается по внутренностям, а я все прижимаю горячий контейнер для еды к груди, что пальцы немеют, не чувствую рук.

Облокачиваюсь о грязную стену гаражного кооператива своим бордовым пальто, и не смею зайти внутрь, просто не могу.

– Узкая, – рычит муж. – Откуда же ты такая взялась, Сонечка? Давно я такие ножки не раздвигал.

Прикрываю глаза. Не первая она у него, значит? Или «давно» – это он наш брак в двадцать пять лет называет и с моими ногами сравнивает?

По коже бежит противная дрожь, все тело передергивает, в желудке спазм и начинает тошнить. Прижимаю пальцы к виску, перед глазами мутнеет, нарастающая боль охватывает переднюю часть головы, и я почти съезжаю по стене.

Держусь, глубоко дыша. Нужно уйти отсюда, но теперь не могу, ноги не держат.

Стараюсь чаще дышать, но это не помогает.

– Владислав Сергеевич, ах, я сейчас упаду, – доносится скрип шатающегося автомобиля. – О-о-о, какой вы...

– Зверею от твоих вишеночек на груди! Как торчат! Сонечка, не отпущу тебя, моя будешь, сколько скажу.

И тут раздается приглушенное звериное рычание моего мужа. Он всегда так кончает, гасит хрип в ложбинке шеи. Видимо, давно начали, раз он уже. Или это он от молодого тела так завелся?

В ушах шум, отлепляюсь от стены и иду подальше от этого гаражного разврата. Ноги в ботиночках на маленьком каблучке шатаются, словно пьяная я, глаза стеклянные, ничего не вижу из-за застывших слез.

Муж, мой родной человек, мужчина, с которым я прожила двадцать пять лет, родила дочь, построила небольшой бизнес, с которым чувствовала себя как за каменной стеной, предал меня, ударил в спину, огрел по голове так, что словно бутылку вина сама выпила.

Слезы все-таки срываются с ресниц и камушками падают на пальто. Ощущение, что пыльным мешком трахнули, отчего рухнул не только мой брак, но и весь мир.

Всего одно событие, мерзкое, подлое, отвратное, а чувство, что нет меня больше, смысла в жизни нет, все перестало иметь значение, накатило безразличие.

Подбегает собака, бросаю мимолетный взгляд и отворачиваюсь. Плевать, какая она, может, и злая, броситься хочет. Мне бы боль внутри чем-то погасить, хоть раной тела, все равно. Раздирает изнутри, хочу расплакаться, но все атрофировалось.

Пес не отстает, виляет хвостом, смотрит на руку мне.

– Ты за этим бежим, что ли? – останавливаюсь. – Да забирай.

Открываю крышку судка, ставлю на землю возле столба в кустах и киваю собаке.

Животное молниеносно начинает глотать отбивную по-королевски, а я отворачиваюсь и устало иду дальше, вон отсюда.

В кармане звенит телефон. Дочь.

– Да, Ника, – беру трубку.

– Мам? Что с голосом? Как дела?

Прокашливаюсь, растягиваю губы в улыбке, чтобы интонация была радостнее и бодрее отвечаю:

– Да, все нормально, телефон на плече держала, неудобно говорить было. Как ты, мое солнышко? Как учеба? Что там твой Ваня?

– Все хорошо, иду с лекций в общежитие. С Ваней вечером встречаемся, в ресторан пригласил, три месяца как вместе, отметить хотим.

– Три месяца – это повод для праздника, конечно, – хочу поддержать дочь, но, кажется, выходит стес.

– Ну, не двадцать пять лет, как у тебя с папой, но для нас это праздник.

– Зайка, это отличный повод сходить в ресторан. Почему бы и нет, – смягчаю голос и стараюсь придать ему радостных ноток. – Я очень рада, что у вас все хорошо, и ты счастлива.

Говорю это дочери, а у самой сердце заходится и стучит у самого горла. Три месяца – это прекрасно, люди еще влюблены, стараются друг для друга, уступают, летают в облаках.

Не то, что четверть века совместного проживания. Ноги не те, мясо приелось, хочется сразу десерта, да и вообще, соки, видимо, все выжаты и одна дорога – в чужой фруктовый сад.

– Мам, точно все хорошо? Ты какая-то странная. Что делаешь?

Отвожу динамик телефона в сторону, шмыгаю носом, чтобы Ника ничего не услышала и снова сквозь боль улыбаюсь.

– Да вот, тоже захотелось вспомнить молодость. Отцу твоему решила обед отнести. Он, как ушел в гараж утром, я еще спала, так до сих пор там.

– Оу, прям заботливая жена, – смеется Ника, а у меня ее слова лезвием по легким.

Только забота эта никому не сдалась, как оказалось.

– Сама в шоке, – наигранно улыбаюсь в трубку. – Последний раз я так баловала твоего папу, когда тебя еще не было. Он таксовал, а по выходным ремонтировал машину в гараже. А мне скучно, я вкуснях ему наготовлю, принесу, а он такой обалдевший, но видно, что довольный. Вот чего-то вспомнила те времена, захотелось приятно сделать, но зря.

Произношу это вслух, и рыдания подкатывают к горлу. В глазах так дико щиплет, словно огнем обдаст. Я останавливаюсь, зажимаюсь и изо всех сил закрываю рот рукой. Вероника что-то говорит в трубку, а я ничего не слышу, лишь шум крови, которая заполняется голову.

– Поняла? Это здорово, вот как у вас, – различаю слова дочери. – И как он, обрадовался?

– Угу, – выдавливаю из себя, потому что больше не могу произнести ни слова.

– Ладно, мамуль, я пришла, позвоню завтра. Целую.

– И я целую, – произношу уже шепотом, отключаю вызов и начинаю в голос рыдать.

Путь к гаражам идет через жилые дворы. Нахожу одинокую, отдаленную лавочку, сажусь ко всем спиной и, спрятав лицо в ладонях, позволяю себе выплеснуть наружу все отчаяние, которое, как вулкан вскипело, а выхода не видело.

Сижу, вою в рукав пальто, заглушаю звуки, не хочу внимания посторонних к себе, ни жалости, ни сочувствие, ни советов.

В кармане снова играет телефон. Не реагирую. Имею же я право потеряться хоть на часок, быть недоступной, никому не отвечать? Но телефон звонит и звонит.

Принимаю вызов не глядя, и от звука родного голоса перестаю даже плакать.

– Таня, привет, – слышу адское напряжение в голосе мужа. – Ты что у меня в гараже была?

Глава 2

– Алло, Таня! Ты слышишь меня? Ты где сейчас?

Голос мужа обеспокоенный и в то же время раздраженный.

Испугался, что ли? Наверно Ника позвонила отцу и проболталась.

Молчу, не знаю, что ему сказать. Я сама еще ничего не знаю. Кроме раздирающей боли ничего не понимаю.

– Алло, алло! – зовет Влад.

Руки трясутся, прочищаю горло и, как можно обыденнее, говорю.

– Влад, я не слышу тебя, и телефон сейчас сядет. Потом перезвоню, – кладу трубку и выключаю телефон.

Поднимаю голову к небу, смотрю вдаль, втягиваю носом воздух и встаю.

Не хочу с ним сейчас говорить, не выдержу. И домой не хочу. Нужно отвлечься, проветрить голову.

Все очень серьезно, но сейчас, на эмоциях я не могу адекватно мыслить. Хочется лишь покалечить Влада, сделать так же больно, как он мне. Чтобы мучился, корчился от боли, но это не вернет время назад, не остановит его перед предательством. Он сделал свой выбор, и теперь выбор нужно сделать мне.

Мне сорок пять, у меня взрослая дочь, которая учится в Москве на пятом курсе университета, свой небольшой магазин парфюмерии, дом, муж, семья.

Нет, мужа у меня, как выяснилось, нет, семьи, по-видимому, тоже. Хотя еще час назад я считала себя счастливой и самодостаточной женщиной, а сейчас... Сейчас руки опускаются.

За руль мне нельзя, поэтому как есть иду на остановку и еду в центр города в магазин.

Сегодня воскресенье, для меня выходной, отпущу девочек-продавиц и закрою магазин сама.

Сажусь на свободное место, ехать недолго, и наблюдаю, как женщина лет пятидесяти пяти тащит на себе сумки с продуктами, опускается на сидение и устало выдыхает.

Бросаю взгляд на правую руку – замужем. Почему сама? Видно, что ездила на рынок за покупками, неужели помочь некому?

Звонит телефон, женщина отвечает.

– Только села в автобус, еду уже... Что значит долго? Очереди везде, выходной... Гриша, подними лучше свою задницу и встретить меня на островке, сумки тяжелые... Да оторвись ты от своего компьютера уже! Дети вечером приедут, мне еще убраться надо и ужин приготовить... Ой, все! Спасибо! Я так долго стоять и ждать не буду. Сама дойду.

Отключает вызов и смотрит в окно, а я вижу, как она сжимает челюсти, видимо, злится или пытается не расплакаться от обиды.

Женщина красивая, видно, что фигура еще недавно была, а сейчас тоска на лице и обреченный взгляд.

Вот и я задумалась. Что этим мужикам надо? Ведь все в семье у них есть: чистый дом, вкусная еда, секс.

Не знаю, как эта женщина, но я ухаживаю за собой, за фигурой слежу. Седина у меня появилась сразу после сорока, прям поперла, но мой парикмахер подобрала краску с пепельным оттенком и на светлых волосах она смотрится стильно, а я благородно.

Не понимаю! Ну вот хоть убейте! Что сложного этому Грише встретить свою жену с сумками? Она же обласкает его потом, слово доброе скажет.

А Влад? Что в нашей семье его так тяготит, что он пошел налево? Что ему во мне не хватает, что решил залезть на молодуху?

На глаза набегают слезы, и я часто-часто моргаю, чтобы не разрыдаться снова.

Чувствовать себя преданной – невыносимо. Меня просто обменяли, как опостылую вещь, и это понимание, как удар ножом в самое сердце.

Захожу в свой магазин, где за стойкой стоит продавщица Леся.

– Здравствуй, Татьяна Александровна, – Леся вся подбирается при виде меня.

Испугалась. Только чего? Я вроде ее не обижаю. Девочке тридцать лет, одна растит сына трех лет, муж бросил еще беременной.

Застываю взглядом на своей помощнице, и сердце сжимается. Еще одна преданная, обманутая, оставленная на произвол судьбы.

Сколько нас таких женщин, неоцененных, одиноких? Или это я на фоне своей трагедии вижу только несчастных женщин вокруг?

– Привет, Леся, – подхожу к шкафу, снимаю пальто и вешаю на вешалку. – Как у нас дела?

– Все хорошо, продажи в пределах плана, – тушуетсся девушка, а я не понимаю в чем дело.

– Ладно. Как твой сынок? Кашель прошел?

– Да, спасибо. Все хорошо уже. С бабушкой, мамой моей сегодня. Хочет, чтобы я в лабиринт его сводила, в мегамаркете, который у нас. Пообещала в выходной с ним сходить, а то две недели дома болел, уже с ума сходит.

– Зачем выходной ждать, иди сейчас.

– В смысле сейчас?

– Мне дома скучно стало, – вру я, – решила поработать, а у тебя малыш, ему внимание нужно. Так что беги к сыну, Леся.

– О, Татьяна Александровна, спасибо большое! Он так обрадуется.

– Отец вообще не видится с ним?

– Та, какой? Это же надо деньги тратить, подарок покупать, развлечения оплачивать.

– Тяжело одной, Лесь?

Задумчиво смотрю на девчонку, а самой страшно становится. Она молодая, сынок еще лялька, обязательно встретит достойного мужчину и будет счастлива.

А я?

Смогу ли я одна? Работа и достаток не спасут от одиночества. Ника взрослая, сегодня-завтра свою семью строить будет, а у меня наверно климакс на носу, гормоны попрут, вес.

Кому я буду нужна в этом возрасте? В любовницы я не гожусь, да и не посмею я никогда причинить такую боль женщине, а так, только разведенные мужчины и то, потому что козлы. Нормальные в этом возрасте дорожат крепкой семьей, берегут ее.

– Тяжело, Татьяна Александровна. В основном, потому что разрываюсь между сыном и работой. Но кроме меня, кто будет семью кормить? Мама на пенсии, да и все чаще болеет.

– Все будет хорошо, – улыбаюсь искренне. – Правда. И на твоей улице будет счастье. Беги к сыну.

– Спасибо еще раз.

– Подожди, Леся, вас разве сегодня не двое должно быть? Ты говорила, что стажерка придет, чтобы, наконец, посменно работать.

Леся стоит, расстроено глазами хлопает и так виновато улыбается.

– Да, она приходила. Просто отпросилась на часик. Ну, мне не привыкать одной работать.

В это время звенит колокольчик над входной дверью, и в магазин вбегает запыхавшаяся девушка.

– Здравствуйте.

Киваю.

– Соня, это Татьяна Александровна, хозяйка магазина, – выдыхает Леся и представляет меня.

– Простите, пожалуйста, я ненадолго выбегала, здесь рядом. Мама попросила съездить в государственную аптеку за лекарством по рецепту. Я только туда и обратно.

По телу проходит озноб, кажется, что начинается землетрясение и шатаются стены. Потому что голос стонущей профурсетки из гаража клеймом отпечатался в памяти.

Чем можно добить женщину, которая только что узнала, что ее муж ей изменяет? Конечно, столкнуть лбами жену и любовницу.

Глава 3

Щеки пылают, накатывает злость, я пристально рассматриваю девушку и с трудом сдерживаю себя, чтобы не оттащить это мелкую дрянь за ее длинный хвост.

Нет, Таня, тебе не двадцать, когда можно позволить эмоциям взять верх и поддался импульсивности. Тебе сорок пять, будь умнее и мудрее.

– И где лекарства? – холодно спрашиваю я.

– Что? А! Я по дороге домой заскочила и оставила. Понимание, у мамы прием по времени.

Слушая этот слащавый голос, сомнений больше нет – именно она была в гараже с... Владом.

Фантомная боль снова накатывает и сжимает в тиски грудь, но я отворачиваюсь и иду за стойку, чтобы никто не понял моего состояния.

Маленькая негодяйка! И не стыдно прикрываться матерью? Еще и придумывая ей болезни.

– Леся, иди, – надеваю маску строгой хозяйки. – Мы с Соней разберемся здесь.

Леся прощается и уходит, а Соня невозмутимо вешает в шкаф сумку и короткую кожаную куртку с меховым воротником.

Гадине лет двадцать пять, чуть старше моей дочери, платье трикотажное, плотное, но короткое, еле доходит до середины бедра, а на ногах ботильоны на каблук.

– Ты словно не на работу пришла, а на встречу с подружками, – цежу я.

– Да я всегда так одеваюсь, – Соня видит мой оценивающий взгляд и вскидывает подбородок. – Мне ж не сорок, чтобы до пяток платья носить.

– А ты считаешь, что в сорок уже показать нечего?

Вскидываю возмущенно брови, а по ладоням пробегает прокалывающий импульс. Прям руки чешутся схватить паршивку за ее конский хвост и долбануть милым личиком о стол.

Такие зверские мысли пролетают в голове, что сама себя не узнаю.

– Так это почти что пенсия, – как ни в чем небывало рассуждает Соня. – Мне кажется, что и после тридцати уже все.

– Что все?

– Ну... Неинтересна мужчинам и роль чисто так: нянька для детей и прислуга для мужа. От такой логики волосы на затылке дыбом встают.

– Зря ты так, – меня уже всю колотит, но прежде чем выгнать хамку, нужно задать еще несколько вопросов.

– Ой, простите, Татьяна Александровна. Я не про вас. Вы очень хорошо выглядите. Всем бы так в вашем возрасте.

– В моем возрасте, значит. Скажи, Соня, а где тебя Леся нашла? Ты ее подруга?

– Я? Нет, конечно. У папы друг есть, – Соня на мгновение замолкает, и я вижу, как расфокусируется ее взгляд.

Сучка маленькая, вспомнила, как «в аптеку ходила»?

– И что? – напоминаю о себе.

– Ну не друг, по работе часто пересекаются. Вот он и сказал, что в магазин его клиентки требуется продавщица. Дал телефон Леси.

Клиентки, значит? Подонок!

Мой муж – владелец логистической компании, занимается доставкой грузов по всей стране и держит сеть пунктов приема-выдачи в крупных и средних городах.

С Владом мы не только муж и жена двадцать пять лет, но и бизнес-партнеры. Образование у меня экономическое, но сразу после выпуска я родила Веронику, и в декрете, как выразилась эта пигалица, я все три года была няней для ребенка и прислугой для мужа. Так что Соня сильно ошиблась, распределяя роли по возрастам.

К тому времени, как Ника пошла в сад, я поняла, что жить так дальше не хочу. Влад перестал видеть во мне красивую молодую женщину с амбициями, и как-то право голоса у меня вообще исчезло.

Нет, он претензий не предъявлял, скандалов в семье не было, обеспечивал семью, уделял внимание, но я видела, что по отношению ко мне в его глазах больше не было огня и восхищения, да и с моим мнением считаться перестал.

Тогда я в один день перекрасила волосы, сменила прическу и частично обновила гардероб, а еще разработала и предоставила бизнес-план своего будущего парфюмерного магазина.

Конечно, у меня в голове была только теория вуза, но Влад поддержал мою идею стать финансово значимым звеном в нашей семье, и помог стартануть.

Он старше меня на два года и к тому времени уже активно внедрял по региону свою логистическую компанию и имел выходы на различных поставщиков.

Так и начался мой бизнес со взлетами и падениями. Сначала это были островки в разных небольших магазинах, потом я перебралась в побольше, и в итоге смогла арендовать помещение и открыть большой, а главное, свой магазин люксовой и нишевой парфюмерии.

Моя задача – это управление, а муж обеспечивает выход на поставщиков моего узкого товара.

Клиентка я у него? Можно, конечно, и так выразиться, если хочешь затащить дочь знакомого себе на капот.

Боже, от этой мысли все передергивает внутри. Она же совсем молодая, как Ника наша. Неужели все мужчины среднего возраста так западают на этих глупышек? Чем они берут? Своей непосредственностью, наивными глазками или просто молодым телом?

– С родителями живешь? Не замужем, значит? – пытаюсь ввести Соню на нужные мне детали, но не знаю, как при этом не раскрыть себя.

И, как оказалось, зря. Соня оказалась из болтливых, вот только очень быстро я об этом пожалела.

– С родителями еще, но планирую съехаться со своим парнем?

– О, так у тебя парень есть? – наигранно улыбаюсь, а про себя ужасаюсь.

– Ну как парень... Тот мужчина, что с работой помог, приглянулся. Богатый, привлекательный, связи имеет, я и решила, что он подходящая партия для обеспеченной жизни на ближайшие несколько лет.

Охренеть!

– Прямо богатый?

– Так он такие подарки мне дарит, вот кольцо смотрите, закачаешься, – Соня машет у меня перед лицом кистью, а у меня ком образуется в горле и дико хочется хлястнуть по этим ровным пальчикам.

Сглатываю, сжимаю столешницу до боли в фалангах. Последний раз Влад дарил мне какой-либо подарок лет семь назад, не считая дней рождений, конечно, и Восьмого марта. И то, это всегда конверт с суммой денег, а подарок я покупаю себе сама.

Ему-то вечно некогда, занятой, на работе, а еще муж считает, что у меня все необходимое есть, и что подарить он просто не знает.

– На машине крутой ездит, – продолжает перечислять Соня, – дом большой, на курорт, как потеплеет, предложил съездить.

– Впечатляет, – выдавливаю я, с усилием проглатывая слезы. – А почему на несколько лет только? Не всем подходит?

– Да он хоть и молодится, но старый для меня. Через три года полтос будет. Вы что? А мне всего тридцать стукнет. Нафиг он мне нужен будет?

– Действительно. И скоро ты планируешь к нему в дом перебраться?

– Ой, пока еще нет. Сначала хату будем снимать. Он женат, сначала от старушки его нужно избавиться, а потом уже переезжать.

Просто зверею от такого хамства, лицемерия и самомнения.

– Уверена, что потянешь? – спрашиваю ледяным голосом, но эта эгоистка ничего вообще не замечает. – Жена не стена.

– Пф-ф, вы выдели меня? Мне, кажется, выбор очевидный.

– Соня, а тебе не противно от самой себя? Ты же семью разбиваешь, в отношения многолетние влезаешь. На той стороне пусть и старше тебя, но тоже женщина, с сердцем, с душой, наверняка любит своего мужа, дети есть, привычный быт, опора.

– А чего это вы со мной так разговариваете? Если бы он любил свою жену, то не повелся бы на мое молодое тело. А так с ходу в трусики ко мне залез, стоило только хвостом вильнуть. И чего вы так завелись? Я что, у вас мужа увожу?

Глава 4

У меня, змея подколотная, у меня. Вот только не могу понять, что в тебе такого особенно, что мой муж рискнул всем, что у него есть: семьей, которая была с ним и в болезни и дни безденежья, стабильностью, надежным тылом, и предал все это.

Пробегаю оценивающим взглядом по Соне сверху вниз. Да, молодая и красивая, длинные, светлые волосы, крепкие плечи, стоячая грудь. Еще не рожала, поэтому бедра узкие, ноги длинные, стройные, как у куколки, ни грамма целлюлита и дряблости. Но это все внешнее, а поговорила с ней пять минут и от мировоззрения девушки просто опешила.

Или Владу не нужны ее мозги, лишь бы ноги вовремя раздвигала и в рот заглядывала?

Интересно, он знает о ее планах?

Стою, смотрю на эту особу с презрением, но все равно чувствую себя ниже плинтуса, униженной, разбитой, а самое ужасное, что мой муж ударил по моей самооценке.

Я чувствую себя старой и поэтому ненужной.

Знаю, что все не так, знаю, что я тоже стройная, ухаживаю за собой, стильно одеваюсь. Да, кожа на лице не такая светлая и упругая, есть мелкие морщинки, шея выдает возраст, руки, но красота еще окончательно не померкла. Тело имеет свои изменения, как без этого, рожала же, то полнела, то худела, где-то растяжки, где-то целлюлит начинается, но я не выгляжу настолько убого, что меня можно не хотеть, настолько плохо, чтобы позариться на совсем молодую.

Хотя как бы я себя ни убеждала, червячок самоедства никуда не делся.

– Татьяна Александровна, так что мне делать? – кажется, любовница мужа обращается ко мне второй раз, а я просто не хочу ее слышать.

– Убираться отсюда вон, – цежу сквозь зубы.

– Что? – на лице Сони отразилось искренне непонимание, от которого она даже как-то неестественно дернулась.

– Я сказала, пошла вон! – произношу чуть ли не по словам и грозно наступаю. – Ты не прошла стажировку.

– Вы нормальная? Вы чего со мной так разговариваете? Что я вам сделала? Вы даже задания никакого не дали.

Соня пятится к шкафу с верхней одеждой в полном шоке.

– Потому что ты, маленькая дрянь, мало того что матери своей болезни придумала, так еще и в чужую семью залезла, презрением к женщине разбрасываешься. Ты ее не знаешь, жизнь ее не жила, а все хочешь отобрать, на готовенькое объявилась. А ты сначала с мужчиной пройди путь из черных и белых полос, создай что-то действительно крепкое и ценное, а потом руки протягивай. Гадина.

Соня бросается к двери, на ходу надевая куртку.

– Вы ненормальная! – кричит, оборачиваясь. – Какое вам вообще дело до моей жизни! Что хочу, то и делаю! Бешеная!

– Ты моего бешенства еще не видела!

Я делаю очередной шаг к этой расчетливой шлюшке, но останавливаюсь, когда вижу, что к стеклянной двери магазина быстро подходит Влад, дергает ее на себя и застывает на пороге.

Соня видит своего любовника и бросается к нему.

– Влад! Твоя клиентка сумасшедшая, она кидается на меня! Влад!

Девица чуть ли не виснет на руке моего мужа, а он стоит и лишь смотрит на меня: изучающе, пристально, не моргая.

Я вижу, как бледнеет его лицо, дыхание от волнения учащается, он нервно дергается, пытаюсь сбросить с себя мелкую пиявку, но она все-таки овладевает его вниманием.

– Влад, я не останусь с здесь не минуты. Она ненормальная, отвези меня домой.

– Я так понимаю это и есть твой парень? – зло скалюсь.

Боль в груди черствеет, эмоции скакать, на меня обрушивается неуместное желания рассмеяться, но чувствую, что и истерика не за горами.

Какие же они гнусные, подлые предатели. Причем оба. Только если она осознанно рушит чужую жизнь ради собственного эгоизма, то он в сто крат хуже.

Мы были все это время единым целым, семьей, близкими людьми не только по документам, но и душой.

Неужели это все имело значение только для меня, а муж просто по инерции жил со мной и терпел наш брак? Не поверю. Нет.

– Да, это он! – выкрикивает Соня.

– Замолчи! – рявкает на любовницу Влад.

– Почему? Она набросилась на меня. Мы просто разговаривали, я о тебе рассказывала, а она давай выгонять меня матом. Ты бы слышал!

– Соня, я сказал, замолчи! – Влад дергает девушку за руку и пытается вывести на улицу.

– Ты что, на ее стороне? Час назад рассказывал мне, что я твое солнышко, смысл каждого дня, что я пробудила в тебе энергию к жизни, а теперь веришь этой старой тетке? Да я...

Дверь закрывается, и я больше не слышу этого голоса, который с каждой секундой набирает тональность, и напоминает те высокочастотные стоны, что разносились в семейном гараже.

Эйфория от злости спадает, и я чувствую откат. Обессиленно опираюсь спиной о стойку администратора и наблюдаю, как Влад яростно отчитывает свою молодую лань, затем открывает дверь машины, захлопывает и идет в сторону магазина.

Жгучий адреналин впрыскивает в кровь свой яд, осознаю, что сейчас будем выяснять отношения. Только я для себя уже все выяснила, а с этим разговаривать даже не хочу.

Хлопает дверь, звенят колокольчики, и перед глазами появляется отчаянно напряженное лицо моего мужа.

– Таня, докатилась до слезки? – желчно бросает Влад.

– Что? – даже дар речи теряю.

– Все ты прекрасно поняла! Если бы сидела спокойно дома, жарила свои отбивные, ничего бы этого, – он раскидывает в сторону руки, – не произошло!

– То есть в том, что ты шпилишь в гараже малолетних девиц, виновата я? – мои брови от шока взлетают до самых волос.

Я, конечно, понимала, что будут обвинения в мой адрес, что я причина его похода налево, еще ожидала раскаяния, сотни просьб простить и забыть все, но чтобы настолько этот подонок обнаглел, я точно не ожидала.

– Да. Нет. То есть, если бы ты не поперлась с какого-то перепуга в гараж, ничего бы не узнала, продолжала бы жить не тужить и мило улыбаться.

Влад злится, а я искренне не понимаю, какое он имеет на это право.

– Как удобно. То есть в твоих планах я продолжаю обстирывать тебя, кормить, за домом следить, хозяйство вести и прочее, а ты преспокойненько, в свое удовольствие раскладываешь девиц на капоте и жаришь их?

– Хочешь это называть так? Хорошо, пусть будет так! И что здесь такого? Так многие живут, особенно когда приелось все. Тем более это временно. Через несколько лет мой тестостерон пошел бы вниз, и я снова бы стал примерным семьянином. Трудно было сделать вид, что ничего не видела?

Глава 5

Меня трясет от таких циничных слов. Тестостерон у него сейчас фонтаном бьет? Серьезно? Поверила бы, если бы не его апатичность к сексу в семейной постели. Или это у него только на меня такая запоздалая реакция, а на молодых аж бегом?

Самооценка трещит по швам, злость смешивается с чувством собственной неполноценности. Держусь, отгоняю разрушительные мысли. Все не так! Все!

– Влад, ты сейчас говоришь отвратительные вещи, – цежу, пытаюсь сохранять самообладание, но у самой руки трясутся.

– Говорю как есть. Правда всегда неприятна, Таня, но как есть.

– А что же ты тогда свою правду не рассказал сам? Почему не поговорил, не признался, что больше не любишь, не хочешь, не ценишь и не уважаешь меня. Не как свою жену, мать твоего ребенка, женщину, в конце концов? Зачем эта грязь? Развелись бы по-человечески, без унижения меня.

– При чем здесь все это? – на лице мужа искреннее недоумение. – Я уважаю тебя по всем фронтам. И ценю тоже. Мы слишком долго вместе, чтобы я этого к тебе не испытывал.

– Видимо, слишком долго, что тебя потянуло на молоденькие ножки и сладкие вишенки.

– Ты что, ненормальная? – вспыхивает муж. – Ты что, подслушивала?

От абсурдности его вопроса смеюсь в голос.

– Нет, просто вовремя пришла. Знаешь, вот в самый разгар, чтобы ни малейшего сомнения не осталось, что ты подонок.

– Выбирай выражения, Таня. Я твой муж и заметь, ни разу тебя не оскорбил.

– Не считая того, что, выбрав для измены девчонку возраста нашей дочери, ты максимально показал мне, насколько я для тебя старая.

– Ты не понимаешь! Господи, я даже не смогу тебе это объяснить. Соня – это совсем другое. Это как глоток свежего воздуха перед тем, как окончательно спуститься в подвал возраста.

– Влад! – повышаю тон и поднимаю ладонь. – Замолчи, вот сейчас, ради бога, замолчи. Ты не слышишь себя, а я вот хорошо тебя слышу, и ты говоришь очень печальные вещи.

– Я говорю реальные вещи. Еще немного времени, и я превращусь в старика. Мы очень долго в браке, и я осознаю, что кроме тебя, больше никому из женщин не буду нужен. Время

нельзя вернуть назад, и я жажду прожить свои сильные годы на полную катушку. Ты привычная для меня, столько всего уже было, разной тебя видел. Сейчас я хочу что-то новенькое, чтобы запомнить, чтобы чувствовать себя еще молодым.

– Твоя пигалица так и сказала. Молодишься, но недолго осталось, – зло смеюсь. – Тебе не под короткие юбки лезть нужно, а к хорошему психологу, Влад. А может и к психотерапевту.

– Мне нужно, чтобы ты оставила все как есть, и сделала вид, что ничего не знаешь.

– Настолько не любишь меня? Да? Предлагаешь быть терпилой? Дома улыбаться, ждать с накрытым ужином, делать вид, что ты не плюешь мне в душу? Я так не могу. Ты очень сильно обидел, Влад. Унизил. Каждое твое слово только сильнее топит тебя, а мне рвет сердце. Замолчи, если уважаешь. И уходи.

– Нет, Таня, – качает головой. – Я люблю тебя. Ты просто меня не понимаешь.

– А ты, видимо, меня. Уходи. Магазин закрывается.

– Я уйду, но только для того, чтобы ты остыла и хорошо подумала о моих словах. Поговорим дома.

Влад разворачивается и уходит. Дурацкий колокольчик заставляет вздрогнуть, а звук заведенного мотора и то, как они вместе уезжают, рушит остатки терпения. Я приваливаюсь к стене, закрываю ладонями лицо и начинаю плакать.

Все нутро выворачивается наизнанку с этими слезами. Рот наполняется горечью, словно желчью, кашляю, задыхаюсь от удушающих чувств.

Мне так больно, так обидно, что хочется разодрать грудную клетку и все вымыть там с хлоркой. Чтобы стерильно стало, чтобы ничего не испытывать.

Он не извинялся, не молил простить, не убеждал, что это все на один раз, что рассудок помутился, что эта девка сама напрыгнула, а он, как мужчина не устоял.

Нет, муж изменил осознанно, целенаправленно преследуя свою изощренную логику.

Боже, как мы до такого докатились?

И самое ужасное, что я чувствую свою беспомощность. Я реально осознаю, как рушится моя жизнь, мой привычный мир, в стенах которого я прожила двадцать пять лет.

Накатывает растерянность, она дико дезориентирует и на меня накатывает опустошение.

Ничего больше не будет как прежде, никогда я не смогу забыть этого гнусного обмана и подлого предательства.

Чтобы я не предприняла, какое решение не приняла, той, кем я была вчера, я уже не буду.

Меня резко, больно и беспощадно вырвали из зоны комфорта, не объяснив, как справиться с последствиями.

– Девушка! Простите!

Отрываю ладони от лица и пытаюсь сфокусироваться на источнике голоса.

Передо мной стоит мужчина и так обеспокоенно смотрит, что я даже теряюсь.

Я не слышала колокольчика у входа, хлопка двери, его шагов. Может потоп, поэтому он так взволнован?

– Извините, вы мне?

– Конечно. Я могу вам чем-то помочь?

Помочь? Господи, мозг, наконец, начинает работать, и я судорожно вытираю мокрое лицо ладонями.

– Возьмите.

Мужчина протягивает белоснежный платок, и я его беру.

Стыдно за свой внешний вид, но еще больше я растеряна. В его взгляде столько заинтересованности и решительности, что я действительно словно отрезвела, переключилась от своей боли на этот полный участия взгляд.

– Простите, одну минуту.

Убегаю в подсобку, подбегаю к зеркалу и быстро-быстро тру потекшую туш под глазами, вытираю нос, достаю из сумочки пудреницу и как могу, скрываю следы истерики.

Нужно закрывать на сегодня магазин, нельзя с таким туманом в голове работать с людьми.

Он меня еще и девушкой назвал. Как быстро я меняю возраст. Вон, Сонечка, старухой назвала, теткой.

Делаю глубокий вдох и выдох, натягиваю дежурную улыбку и выхожу в торговый зал обслужить последнего на сегодня клиента.

– Простите, чем я могу вам помочь?

Мужчина на вид немногим старше меня, с легкой проседью в волосах чуть склоняет голову набок, бросает быстрый взгляд на безымянный палец моей правой руки и отвечает.

– Давайте на какое-то время поменяемся местами. Могу ли я вам чем-то помочь?

Стою, хлопаю ресницами и пытаюсь сообразить, может, я что-то не расслышала или не поняла смысл фразы?

– Вы, мне?

– Да, – внезапно мужчина улыбается так широко и искренне, словно мальчишка.

– И что, можно просить все что угодно? – почему-то его самоуверенность меня не только цепляет, но и вызывает желание доказать, что он балабол.

Впрочем, как и все мужчины.

Незнакомец молча кивает.

– Хочу, чтобы мне снова было двадцать! – вскидываю подбородок и с усмешкой смотрю на мужчину, который вмиг становится серьезным. – Организуете или просто сделаете заказ, за которым пришли?

Глава 6

Мужчина стоит и сканирует меня пристальным взглядом. Уголок губ дергается, и он кивает.

– Начнем с заказа.

Даже не удивлена, хотя, признаться, немного разочарована. Купить цветы, шоколадку или сводить в ресторан каждый может, особенно желая произвести впечатление, а вот сделать женщину счастливой могут единицы. И они явно стоят не на моем пути.

Пожимаю плечами, поджимаю губы, скрывая досаду, и киваю на витрину за своей спиной.

– Вот и хорошо. Что желаете? Конкретный бренд или нужно помочь подобрать?

– Подберите на ваш вкус, пожалуйста. Я в запахах ничего не понимаю.

Мужчина облачивается на стойку и, кажется, пытается подавить улыбку.

– Хорошо. Вы себе? – игнорирую его поведение.

– Нет, на подарок. День рождения.

– Нужно больше вводных данных. Девушка, мужчина, возраст, характер.

– Эм, – вскидывает брови, – молодая девушка, двадцать лет. Что еще сказать? Красивая, стройная, легкая на подъем, беззаботная. Учится, но сама не знает, чего хочет, – смеется мужчина.

– Она хочет богатого покровителя, ничего не делать и чтобы носили на руках, – бросаю я, но тут же прикусываю язык. – Они через одну этого хотят.

– Современные девчонки такие, да. Моя вроде переборчивая в плане любви.

– Ваша, значит? – смотрю презрительно, ничего не могу сделать с зарождающимся раздражением.

А каким галантным пытался казаться, помощь предлагал, но оказался обычным средне-статистическим мужиком среднего возраста, у которого, видимо, тоже тестостерон на исходе.

– У вас есть дети? – спрашиваю прямо.

– Хм, да, сын взрослый. А что?

Значит, парфюм не для дочери.

– Ничего. Просто смотрю...

Торможу себя на полуслове. Таня, это непрофессионально так вести себя с клиентом. Совершенно не твоё дело, для кого он делает заказ и насколько молодая у него любовница.

Бросаю взгляд на правую руку. Кольца нет – не женат. Ну вот, он вправе быть с кем хочет.

Но почему же тогда так дико обидно, когда слышишь, что взрослые мужчины предпочитают молоденьких? Чем они берут кроме тела? Вот этой вот легкостью и беззаботностью?

Но такие девчонки не будут любить просто так, просто потому, что ты есть в её жизни. А как же мы, женщины, наполненные мудростью и опытом, готовые отдавать себя без остатка просто за теплые объятия, ласковые слова и заботу?

Женщины моего возраста самодостаточные, уже знают, чего хотят от жизни, от мужчины, нам несложно угодить, мы независимые и все, что нам нужно – это чтобы близкий человек был рядом и в трудную минуту и в радости.

Отворачиваюсь и окидываю задумчивым взглядом свою витрину, но напряжение от разговора полностью скинуть не удастся. Кажется, он сверлит мой затылок оценивающим взглядом. Отчего плохо удастся сосредоточиться на заказе.

Беру несколько флаконов, один за другим, и ставлю перед клиентом.

– Не буду перегружать вас выбором. Пробуйте, – открываю тестер. – Яркий аромат с фужерным цитрусовым характером. Он таит в себе атмосферу легкости и свободолюбия.

Снимаю крышку со второго флакона.

– Элитный парфюм, дерзкий, в то же время романтичный аромат. Здесь прохладные аккорды лимона и бодрящего бергамота. Цветы грейпфрута, белый мускус, амбра и насыщенная влажная древесина окутывают пьянящей морской композицией. И последний, – ставлю перед растерянным мужчиной третий вариант, больше ему точно не нужно, – цветочно-фруктовый аромат, композиция пиона и мягкого меда в сердце, а в верхнем аккорде слышны бергамот, груша и щепотка пряного розового перца.

Мужчина нюхает каждый аромат по очереди и снова возвращается к первому. Выбор не трудный, когда знаешь свою женщину. Этот, создается впечатление, просто хочет угодить, сделать дорогой подарок.

– Я вполне определился, только нужен все же еще маленький совет.

– Конечно, – дежурно улыбаюсь.

– А если к вышеперечисленному описанию добавить дерзость, смелость и самодостаточность? Чтобы вы выбрали из этого?

– Хм, вы определенно хорошо знаете, для кого выбираете подарок, – удивляюсь я, мысленно забирая свои слова обратно. – На мой вкус в этом случае подходят вторые с нотками древесины. Они кричат о свободе и независимости.

– Превосходно. Я беру двое духов, эти с древесиной и первые легкие с цитрусом.

Достаю закрытые упаковки, оформляю в красивые подарочные пакеты и передаю клиенту.

– Спасибо за покупку, – улыбаюсь уже мягче, мужчина-то не виноват, что мой муж подорвал нормальное восприятие мужчин в целом. – Уверена, вашей имениннице понравится подарок.

– Я в этом даже не сомневаюсь. Вы не только красивая женщина, но и профессионал в своем деле.

От неожиданности моментально краснею, но мужчина легко улыбается, подмигивает мне, забирает пакеты и уходит.

Все-таки красивая женщина. Приятно, что сказать. Вспоминаю слова мужа о том, что я ему приелась, и настроение тут же камнем падает на дно.

Вечером еще предстоит неприятный разговор с Владом, вернее, его продолжение, отчего совсем не хочется идти домой.

Вот только от проблем не убежать и нужно их решать сразу и быстро.

Возвращаю тестеры на место, закрываю кассу и выключаю везде свет.

На ходу надевая пальто, закрываю магазин и ставлю помещение на сигнализацию.

Уже темнеет, а я без машины. Хотя так даже лучше, дольше буду ехать в ад, который ждет дома.

– Простите, пожалуйста!

Подскакиваю на месте и даже реально пугаюсь от громкого голоса за спиной.

Разворачиваюсь и вижу молодого парня с небольшим букетом ромашек в руках.

– Я курьер, у меня доставка в этот магазин. Это вам, – и парень протягивает мне букет и... пакет, в который я час назад упаковала парфюм для дерзкой и независимой.

В растерянности принимаю доставку, расписываюсь в накладной и так и остаюсь стоять посреди тротуара с изумлением на лице.

Нюхаю ромашки и замечаю маленькую открытку. С натуральным любопытством заглядываю вовнутрь.

«Для смелой и уверенной в себе девушке. До роз ты еще не доросла, двадцать только, а вот ромашки, пусть и скромные, но от всей души».

Глава 7

Уже темнеет, но я так краснею до самых ушей, что, кажется, мое пунцовое лицо замечают все.

Оборачиваюсь, ищу глазами мужчину из магазина, но никого не нахожу. Город живет своей жизнью, а люди, не обращая на меня никакого внимания, бегут по своим делам.

Настроение заметно улучшается, и не то чтобы я хотела внимания чужого мужчины, но его жест наполняет уверенностью в себе. Как знак какой-то срабатывает.

Мысленно благодарю незнакомца, что поддержал невинную игру. Я хотела почувствовать себя молодой, а он как смог, так и подыграл. Теперь мысль о разговоре с предателем мужем не так сильно пугает, неприятно дребезжат нервишки, но самооценка все же приподнята.

И пусть он взрослый мужчина имеет отношения с молоденькой девушкой, мне на самом деле не должно быть никакого дела. У меня своя семья, которая трещит по швам, и ближайшая задача – спасти в этом разрушении себя.

Спустя час подхожу к воротам дома, останавливаюсь и делаю глубокий вдох. Внутри снова зарождается неприятная тяжесть, ноги не хотят идти, но это мой дом и деваться мне больше некуда.

Незнакомец и ромашки, все больше кажутся знаком свыше, что на разводе жизнь не заканчивается, что есть еще в этом мире чему радоваться, если посмотреть по сторонам.

Но радость пока мне не дана, распахнуть шире глаза и увидеть что-то еще кроме лжи и лицемерия мне не удастся, поэтому стиснув зубы, захожу во двор.

Машина Влада в гараже, значит, уже дома. По привычному укладу я должна сейчас прийти, зайти в кабинет мужа, обнять его, сказать, что за день сильно по нему соскучилась, и идти накрывать на стол ужин. Влад всегда меня ждет, у нас традиция, ужинать и завтракать всей семьей.

Раньше к нам присоединялась Ника, а когда она уехала учиться, мы продолжили уже вдвоем.

Ужин в кругу семьи – это не просто прихоть. За столом мы всегда делимся, как у кого прошел день, что интересного произошло, у кого какие планы на завтра.

А чем мы с Владом можем поделиться сегодня? Только взаимными претензиями и болью от предательства.

Захожу в холл, бросаю взгляд на кабинет и накрывает дежавю, но я отмахиваюсь от него и прохожу мимо.

Этот дом мы покупали в ипотеку, долго и нудно ее выплачивали, практически все доходы уходили на закрытие долга, поэтому мой магазин полноценное развитие начал только два года назад. Потому что, чтобы расширяться, нужно вкладываться.

Пока мою руки и переодеваюсь, пытаюсь вспомнить, как трепетно мы обустривали эти стены. Нет, пытаюсь не просто вспомнить, а вызвать в себе хоть какие-то чувства сожаления, может желание понять поступок мужа, принять его причины.

Не получается, и сожалею я лишь о том, что Влад оказался настолько подонком, что обесценил все, что было между нами все эти годы.

Как мы ругались, когда делали ремонт, а потом муж первый шел на применение, просто завалив меня на кровать и показывая, что мириться тоже очень приятно.

Как принимали здесь гостей, как радовались за меня мои родители, которых, к сожалению, нет больше на этой земле уже четыре года, как свекровь, к которой я отношусь просто снисходительно, ходила и критиковала безвкусную обстановку и слишком блеклые стены. А они всего лишь жемчужного цвета, а ей нравятся с рисунком.

Сейчас я понимаю, что это все мелочи, те события, которые и составляют наш быт. Глобальные – это когда ты теряешь все это и чувствуешь страх из-за неопределенного будущего.

Мне грустно, печаль пробирается под кожу, а тишина дома давит замаячившим одиночеством.

Иду на кухню, прихватив из коридора цветы и парфюм, ставлю ромашки на столе и по привычке собираюсь греть ужин. Я не голодна, мне бы сейчас поплакать под струями горячего душа и забыться крепким сном, но желудок требует другого.

– То есть ты полностью решила меня игнорировать? – раздается за спиной насмешливый голос Влада.

Разворачиваюсь, беру себе тарелку и накладываю пюре с котлетой.

– Таня, ты не собираешься меня кормить?

Оставляю тарелку, кладу приборы на одну персону и собираюсь с силами, чтобы выстоять этот бой.

– Что ты ждешь от меня, Влад? На что рассчитываешь?

– На понимание.

– Его не будет, – отрезаю я и сажусь за стол.

Кусок в горло не лезет, а под раздраженный взглядом Влада полностью пропадает аппетит, но я продолжаю ковырять тарелку, чтобы он не увидел, насколько меня раздавил, чтобы не понял, насколько сейчас уязвима и не сыграл на этом.

А мне реально плохо, дико больно терять семью, невыносимо думать, что всего этого больше не будет.

Все бы отдала, чтобы вернуть время назад, не позволить Владу пойти в гараж и сотворить непоправимое, или самой туда не пойти. Не знаю.

Что бы это спасло? Наверно ничего. Проблема в том, что муж плохо справляется с кризисом среднего возраста, не счит нужным со мной это обговорить, а пустился по все тяжкие.

– Таня, – громче зовет Влад, чтобы я обратила на него внимания. – Я понимаю, насколько сильно обидел тебя, но поверь, я не хочу терять тебя, ты дорога мне, просто это все...

Замолкает, смотрит в окно на опустившуюся ночь и нервно дергается.

– Это все нужно было мне, как мужчине. Я чувствую, что заканчивается что-то очень важное в моей жизни, и всеми силами стараюсь это удержать. Но тебе наверно не понять, ты не мужчина.

Вспыхиваю и встаю.

– Seriously? Ты реально думаешь, что каждый год только у тебя года прибавляются вместе с седыми волосами? Женщины, дорогой мой, стареют так же, как и мужчины. Нам тоже трудно принимать изменения в себе, видеть, как ухудшается здоровье, меняется гормональный фон, энергии все меньше. Но это не конец света, черт возьми! – бросаю вилку на тарелку, но выходит очень звонко. – Да и о чем речь? Мне сорок пять всего, тебе чуть больше, но ты почему-то записал себя в старики.

– И как вы, женщины, справляетесь с этими вот изменениями? – ехидно поднимает брови.

– Легко, когда рядом любящий и понимающий мужчина, который бережет свою женщину, говорит комплименты, дарит цветы. Я до сегодняшнего дня не чувствовала своих лет, потому что была счастлива. Понимаешь? Счастлива. Я ухаживала за собой, с улыбкой шла домой, не чувствуя усталости, готовила тебе любимые блюда, старалась, чтобы дома было тепло и уютно. И это не считая своих собственных интересов, как магазин. А ты одним мгновением разрушил мой розовый мир и заставил почувствовать, насколько я непривлекательна для своего мужчины, насколько не нужна. Заставил увидеть все свои недостатки, все изменения, опустил мою уверенность в себе ниже плинтуса. Ты предал, эгоист чертов! Ты решил трахаться налево и направо, ошибочно думая, что это омолодит тебя. Только молодым тебя делает восхищенный взгляд твоей жены на тебя, как на мужчину, ее счастливые глаза, рука в руке. Но ты променял это все на примитивный секс в гараже, который кроме болячек и моих слез тебе ничего не принесет.

– Так вот в том-то и дело, что ты всегда на меня смотришь одобрительно, и это стало казаться просто привычным, что ты просто специально это делаешь, чтобы приободрить меня. А Соня – это другое. Она смотрит искренне, влюбленными глазами, наслаждается прикосновениями опытного мужчины, и я чувствую себя непобедимым, кем-то важным, необходимым.

– Ну да, я уже осаженная крепость, а воину нужны новые победы. Дурак ты, Влад. Девочка просто решила прибрать к рукам, как она выразилась, богатого покровителя, который обеспечит ей райскую жизнь на несколько лет, а потом, когда ты станешь для нее старым, она найдет другого. Не поверю, что с высоты своих лет ты реально думал, что она влюбилась в тебя как в человека, а не в твой кошелек.

– Это неправда! – Влад с размаха ударяет кулаком по столу, а я отступаю, видя его разгневанным моими словами лицо. – Ты это специально говоришь, чтобы отомстить в ответ, задеть сильнее. Она действительно любит меня и даже захотела родить от меня ребенка.

Глава 8

Столбенею от этих слов. Ребенка?

– Влад, у тебя что, спермопередоз такой? Вообще реальной картины не видишь? Не будет она рожать от тебя ребенка, ей это не надо. Пока она думала, что я, твоя клиентка, как ты меня представил, и ее начальница, она выболтала все, что думает о ваших отношениях. Ей нужна роскошь, заграница и дорогие подарки от тебя. Все. И плевать она хотела на твою жену и что брак разваливает. А еще она четко для себя решила, что с тобой на несколько лет.

– Ты все преувеличиваешь.

– Я? Мне кажется, это ты нацепил какие-то невменяемые розовые очки с твоим-то жизненным опытом! Объективно я могу допустить, что тебя потянуло на молодую девушку, но неужели ты настолько не разбираешься в женщинах, что решил, что разница в двадцать пять лет – это нормально для долгих отношений? Тебе будет пятьдесят, ей всего тридцать, и ты реально думаешь, что она не променяет тебя на молодого? Хотя я бы хотела на это посмотреть. Это будет тебе ответка, когда ты почувствуешь, что тебя банально променяли из-за возраста.

– Если она родит, мы всегда будем связаны, – пытается что-то доказать мне Влад, а моему недоумению нет предела.

– Я не верю, что слышу это все от тебя. Влад, ты влюбился, что ли? Еще одного ребенка хочешь?

– А что, если и так? Да, я реально сейчас испытываю то, что думал, уже никогда не почувствую. Я забыл, что значит скучать по женщине, забыл, что значит тянуться к ней, желать видеть каждую минуту, трогать, целовать, обнимать. И я не против ребенка. Я достаточно зарабатываю, а любая девушка в конечном итоге захочет родить.

– Захочет, конечно. А потом твоя жизнь превратится в то, от чего ты так бежишь сейчас. Что останется от вашей любви, когда пойдут пеленки, ее гормональные качели, бессонные ночи и раздражение? А потом ребенок растет, отнимает внимание мамы у отца, а дальше та же рутина: дом, работа, ужин, выходные где-то, если силы остались. Только твоя Соня не вытянет, ей другое от тебя нужно. Она хочет красивую жизнь, а не семью с тобой. А если и родит, то уйдет, но будет продолжать тянуть из тебя деньги.

– Ты все это мне говоришь, чтобы я что? Упал перед тобой на колени, извинился, признал твою неправоту и закрыл себя на замок с тобой?

– Мне даже жаль тебя, Влад. Ты реально потерялся. Ты сам знаешь, чего ты хочешь?

– Знаю! Хочу, чтобы осталось все как есть, а ты забыла, что видела и слышала.

– Ты только что мне сказал, что любишь и не хочешь терять. Говорил, что просто сливаешь в молодую тестостерон. Теперь ты даешь понять, что влюблен в нее и не против ребенка.

– Да, я люблю тебя и... к Соне чувства есть. Просто это совсем все разное. С тобой привычно, стабильно, размеренно, с ней все как Армагеддон.

– То есть, если бы я не узнала о твоей связи на стороне, ты бы жил на две семье? Хотя я по-прежнему убеждена, что ей не нужен ребенок от тебя.

– Возможно, и жил бы. А может, нагулялся бы и успокоился. А ты так бы ничего и не узнала.

– Убирайся, Влад! Собирай свои вещи и уходи отсюда. Все это невозможно забыть, невозможно простить. Ты мало того, что изменил мне, но еще и наговорил столько ужасных вещей, что окончательно растоптал все то светлое, что было у меня к тебе. Ты с корнем вырвал доверие. Я не знаю, как все воспримет Вероника, но она взрослая девочка, должна быстро привыкнуть.

– К чему привыкнуть? Что ты говоришь? Я не собираюсь никуда уходить, это мой дом, ты моя жена, и ничего не меняется.

– Черта с два! Я не буду жить с тобой, у нас нет больше семьи, и в ближайшее время я подам на развод.

– Таня, ты плохо меня слышишь? Никакого развода.

– У тебя есть другая, вот и иди к ней, женись, рожайте детей, варись сам в этом болоте, в которое ты нас загнал. Если не соберешь вещи сам, то я все выкину на улицу.

– Не имеешь права. У меня есть все законные основания здесь жить, а если посмеешь подать на развод, то потеряешь и это дом, и половину своего магазина. Я лишу тебя поставщиков и отберу бизнес. Все пополам же, дорогая жена. И куда ты пойдешь? На съемную квартиру?

Злость бьет по мозгам, и я не могу адекватно мыслить. Хочу наговорить ему столько мерзости, но остатками здравого рассудка понимаю, что так закопаю себе только глубже.

Влад подонок, а я даже не знала все эти годы об этом. Или это его время так поменяло? Смотрю и понимаю, что нужно как-то защитить себя от него, но для этого нужен холодный ум, а сейчас я на это неспособна.

– Спокойной ночи! – холодно бросаю и хочу выйти из кухни, но муж перехватывает меня за руку и отталкивает от выхода.

– Сначала исполни свои обязанности, как жена, потом уйдешь, – гневно цедит, а в глазах такая злоба, такое отчаяние, что я понимаю – он неадекватен.

Вырываю запястье из крепкого захвата, хватаю кастрюлю и шмякаю две столовых ложки пюре прямо на стол, где обычно сидит муж. Из сковородки рукой беру котлету и бросаю сверху на картошку.

– Приятного аппетита, муж! Уберешь за собой сам.

И вылетаю из кухни.

– Стерва, – доносится в спину, но я уже несусь на второй этаж, подавляя в себе слезы.

Залетаю в спальню и хлопаю дверь. Стою растерянно посреди комнаты и не понимаю, что мне делать. Меня жутко колбасит, глаза жжет, и я, не справляясь с эмоциями, начинаю плакать.

Не хочу здесь оставаться, здесь все приносит нестерпимую боль, но если уйду, то не вернусь больше, и тогда действительно потеряю свой уютный уголок. А я собираюсь бороться за него до последнего.

Внезапно дверь открывается и с грохотом ударяется об стену.

– Я не понял, это что такое?

Оборачиваюсь и вижу Влада, в руках которого мои ромашки и записка.

Лишь поджимаю губы. У него нет права предъявлять мне претензии, никакого. Да и я ничего такого не сделала. Но слова в открытке, конечно, меня компрометируют.

– Я спрашиваю, это что за хер? – Влад угрожающе двигается в мою сторону. – То есть ты устроила всю эту истерику, чтобы замылить мне глаза? Да, Таня? Сама трахаешься неизвестно с кем, а мне претензии предъявляешь?

Устало смотрю на взбешенного мужа и даже немного приятно, что он решил, что я его променяла.

Отворачиваюсь и, утирая слезы, иду расстилать постель.

– Уходи. Со мной в одной кровати ты спать не будешь, – обессиленно бросаю я.

Боковым зрением вижу, как мимо меня пролетают цветы и ударяются в занавеску.

Не успеваю даже ничего предпринять, как шею сзади обхватывают цепкие пальцы. Влад кидает меня на кровать и наваливается сверху.

– Я сейчас тебе покажу, где я буду спать и с кем. А ты мне скажешь, захочешь ли еще раз запрыгнуть на другого мужика.

И удерживая за шею, Влад буквально сдирает с меня брюки.

Глава 9

Это какой-то страшный сон. Нет, я даже в страшном сне не могла представить, что моя жизнь так сильно изменится за один день, что мой муж, адекватный и заботливый, применит ко мне силу.

Пытаюсь сопротивляться, дергаюсь, но только слышу, как сильнее распаляю ярость мужа и его желание.

Он не в себе, скорее всего в отчаянии, потому что весь его план летит к чертям, потому что все не так, как он хочет, потому что теряет контроль надо мной, и стремится наказать.

Замираю. Это лучшая линия поведения, когда тот, кто сильнее тебя, хочет физически подавить. А Влад именно этого и хочет: почувствовать, что здесь он решает: как все будет.

– Влад, остановись. Это насилие, – тихо прошу, пытаюсь достучаться до его разума.

– Мы муж и жена, а секс – это супружеский долг, – рычит муж, пока возится со своими штанами.

Он не причинит мне физическую боль, но секс против воли – это наихудший удар по женщине, дикий пресс по психике, это моральное унижение, которое вдребезги разрушит те остатки хорошего, что можно было еще удержать в памяти.

– Влад, – тихая слеза катится по щеке. – Ты сейчас перейдешь границу. Остановись на мгновение и посмотри, что ты сейчас хочешь сделать. Ты умный мужчина и прекрасно можешь просчитать последствия своего поступка.

Я говорю куда-то в одеяло, кажется, разговариваю сама с собой, но все же замечаю, как муж больше не давит на шею, тяжело дышит, чувствую, как дрожит на мне его тело из-за отступающего адреналина, и понимаю, что нужно продолжать говорить с ним.

– Таня, это ты виновата, я не хотел всего этого, но ты вынуждаешь меня звереть. Я не хочу тебя терять.

– Влад, у нас взрослая дочь, прошлое длиною в жизнь, сотни светлых мгновений. Прошу, не уничтожай окончательно все это. Назад дороги не будет.

Тишина тянется какие-то секунды, но ощущение будто вечность, а я не решаюсь больше ничего говорить, чтобы нечаянно не спровоцировать новую агрессию.

Внезапно по комнате раздается рык животного, который признает свое поражение. Влад отрывается от меня и подпрыгивает с кровати.

– Узнаю, что трахаешься с другим, пощады не жди, – цедит муж, и следом по комнате разносится грохот двери.

Я остаюсь одна, лежу какое-то мгновение, затем переваливаюсь на спину и натягиваю брюки.

Натяжной потолок бежевого цвета отдает глянцем, он такой идеальный, такой гладкий, что хочется закричать, схватить ножницы и исполосовать его. Чтобы увидеть, что есть что-то еще такое же разорванное в клочья, как и мое сердце.

Тихая слеза катится по виску и растворяется в прядях пепельных волос. Внутри все замирает, словно замораживается, а перед мысленным взором проявляется четкая картина моих дальнейших действий.

Молча, без истерик, встаю, заботливо поднимаю растрепанные ромашки и ставлю в вазу на прикроватной тумбочке. Воды нет, но если они хотят жить, то потерпят до утра. Выбор небольшой. Ни у кого из нас.

*

Утром просыпаюсь, но глаза открываю не сразу. Мне только что приснился до отчаяния страшный сон. Из детства помню, что после пробуждения нужно сразу посмотреть в окно, и тогда ничего не случится.

Открываю глаза, но вижу многострадальные ромашки. Нет, не сон. И на сердце становится невероятно тяжело. А вот ромашки не завяли, слегка измученные отсутствием воды, но стоят и терпят, ждут нового дня.

Делаю глубокий вдох и сажусь на кровати. Заснула прямо в одежде. Ну, ничего, у меня тоже наступил новый день, а значит, новый чистый лист, новый шанс, новые возможности.

Принимаю душ, одеваюсь и спускаюсь вниз, на кухню.

В гостиной Влада нет. Становится легче. Ставлю чайник, достаю две чашки, делаю крепкий кофе на двоих.

Вспоминаю о пюре на столе, оборачиваюсь. Чисто.

Вот и хорошо. Прибрал за собой.

В тостере поджариваю хлеб, достаю гусиный паштет и помидоры.

– Доброе утро, – ударяет в спину сдержанный, прощупывающий голос мужа.

Лишь на секунду замираю, напрягаюсь, затем расслабляю плечи, натягиваю улыбку и оборачиваюсь к Владу.

– Доброе утро, – мой голос спокойный, даже сама себе удивляюсь. – Присаживайся, завтрак почти готов.

Влад смотрит с подозрением, но я невозмутимо продолжаю намазывать тосты и резать овощи.

– Тань, – зовет Влад и замолкает.

Вполоборота головы смотрю в сторону мужа и снова возвращаюсь к бутербродам.

– М?

– Ты прости меня. Я дурак. Дебил просто. Такое вчера чуть не сотворил. Да и вообще, сорвался на тебе.

Беру чашки, расставляю на столе, затем в ход идут бутерброды. Влад смотрит побитой собакой и не понимает, что происходит.

А я понимаю. Но очень страшно самой. Остаться одной в сорок пять лет, кажется пропастью.

Многие в таком возрасте закрывают глаза на походжение мужей просто потому, что не находят сил принять себя как отдельную единицу, бояться финансового кризиса, смены места жительства, осуждения окружающих, а главное – дико страшатся одиночества.

Почему? Настолько безвыходное положение? Настолько женщины все эти годы жили только одной семьей, что не создали себя, не стали в чем-то профессионалами, не обзавелись подругами, увлечениями, профессией?

Или без второй привычной половинки чувствуют себя неполноценными, неуверенными в себе девочками?

Страшно, черт возьми, колени дрожат, тремор рук не могу спрятать. Но я приняла для себя решение, главное выдержать, не сломить саму себя.

– Тань, не молчи! Скажи что-нибудь? – голос Влада поднимается в тональности.

Он хоть и чувствует себя виноватым, но его самолюбие не искоренить.

– Что ты хочешь от меня услышать? – сажусь за стол и делаю большой глоток обжигающего кофе.

– Ну, что ты не держишь на меня зла за вчерашнее в спальне. Клянусь, у меня просто крыша отъехала, когда я увидел эти цветы. Можешь не верить, но ты по-прежнему дорога мне. Просто все очень сложно.

Поднимаю глаза и без каких-либо эмоций киваю.

– Верю, Влад, и вижу, что все очень сложно.

– Не ненавидишь?

– Нет. Будь спокоен, этого чувства я к тебе не испытываю.

– Тань, давай чуть успокоимся вдвоем и еще раз спокойно обо всем поговорим.

– Давай, – соглашаюсь я.

Влад бросает бутерброд в тарелку и хмуро смотрит прямо в глаза.

– Что происходит? Почему ты такая спокойная?

– Хочешь моей истерики?

– Нет, но...

Трет лицо руками и снова устало смотрит. Кажется, не спал всю ночь. Ну и ладно.

– Понимаю, что это невозможно, но хочу максимально сделать все так, как было раньше. Когда ты ничего не знала.

– Влад! Я ничего не знаю и знать не хочу. Ешь и собирайся на работу. Просто дай мне время, и я справлюсь со всем, что на меня навалилось.

Глава 10

Доедаем завтрак молча, кусок в горло не лезет, но я запихиваю его из упрямства, потому что голодный обморок на фоне стресса мне точно не нужен. Слишком много дел: срочных и сложных.

Я приняла решение, и ночное происшествие быстрее к этому подтолкнуло. Выпотрошило все эмоции, убило все то светлое, за что я пыталась уцепиться, окончательно отвернуло от мужа, и утром я уже точно знала, что буду сегодня делать.

Я подам на развод. Но сначала подготовлюсь к нему как следует.

Жить с предателем? Это возможно, когда мужчина признает ошибки, кается, предпринимает какие-то действия, чтобы его простили.

Мы все можем совершать ошибки, но только Влад ее не совершал. Он осознанно принял решение и совершенно не жалеет об этом. Более того, хочет усидеть на двух стульях, при этом продолжает унижать меня.

Не верю его раскаянию, не верю ни единому слову. И если еще вчера я может и готова была дать шанс нашей семье, то сегодня нет.

Страшно. Очень страшно остаться одной, превратиться в жалеющую себя женщину и потерять вкус к жизни.

А еще страшно, что не выдержу морально. Развод будет нелегким, но он непременно будет.

По дороге в магазин звоню подруге.

– Юль, привет. Не разбудила?

– Нет, Танюш. Привет. Уже в офисе сижу. Дел по горло.

– Юль, найдется для меня часок времени? – язык не поворачивается сказать о своей проблеме по телефону.

– Поболтать просто?

– Ну, говорить мы точно будет долго.

– Тань, свободного времени вот вообще нет. Прости. Может, на выходных пересечемся?

– Я не выдержу неделю. Юль, я как клиент к тебе. Запиши тогда на свободное время.

С Юлей дружим уже два года. Помню семь вечера, я закрываю магазин, но заходит женщина, зареванная, с опухшими глазами, но до безумия решительным взглядом, и просит продать ей самые дорогие духи.

Я тогда хотела попросить ее прийти завтра, так как кассу уже свела, но каким-то внутренним чутьем почувствовала, что этой женщине духи нужны не просто так.

Ее бросил муж. Сам. Завел любовницу и ушел к ней, оставив Юлю с десятилетней дочкой и зарплатой начинающего адвоката в небольшой фирме.

Квартира была его, поэтому Юле пришлось съезжать на съемную и устраиваться еще на одну работу. Кстати, благодаря которой она познакомилась с будущим партнером, с которым сейчас держит адвокатскую фирму и, кажется, периодически ночуют друг у друга.

Я тогда очень сильно изумилась силе духа женщины. Главное – вспомнить, что ты личность и на мужиках жизнь не заканчивается, а Юля дорогим парфюмом напомнила себе, что нужно любить и себя саму.

Ну вот такой она тогда избрала способ поднятия себе самооценки. С тех пор и завязалась у нас дружба.

В памяти проскользнул вчерашний клиент, который сам того не подозревая, тоже напомнил мне, что я красивая и хрупкая женщина, достойная лучшего.

– Не поняла? Тебе адвокат нужен? – голос подруги похолодел.

– Да, – сглатываю ком.

Уверена, она, как никто, меня поймет и поддержит, но все равно язык не поворачивается сказать вслух о своем крахе.

– Какой? У меня только две специализации среди сотрудников. Еще не расширились.

– Юль, мне вот как раз та нужна, что у вас есть. Я развожусь.

Произношу и глаза предательски щипят. Торможу на светофоре, прикладываю указательные пальцы к уголкам и прижимаю, чтобы удержать слезы.

– Тань, аллю! Ты слышишь меня?

– Да, Юль, прости.

– Мать, ты там давай не кисни. Я освобожу окно на пять часов вечера, поэтому приезжай на офис. Лично приму как подруга, и как спец по разводам.

Благодарю подругу и выключаюсь.

Весь день работаем в магазине на пару с Лесей, но в голове одни тараканы, жуткое отсутствие концентрации и рассеянность.

– Татьяна Александровна, может, вам домой? Я сама справлюсь, правда. Осталось несколько часов и можно закрываться.

Чувствую себя натянутой струной, нервы настолько напряжены, что, кажется, один неловкий шаг, и я сорвусь. Хорошо, если просто разрыдаюсь, но могу же и нагрубить кому-то.

– Лесь, та девушка, – не могу произнести имя любовницы Влада, – не подошла. Но я найду тебе сменщицу, потерпи немного. Надеюсь, усиленная зарплата компенсирует тебе переработку.

– Татьяна Александровна, вы не переживайте. Все хорошо, правда.

– Ладно, – потерянно осматриваюсь, но иду за пальто. – Пойду, а то даже отчет за неделю свести не могу.

Улыбаюсь и выхожу на улицу. К Юле только через час, домой точно не поеду, да и вообще не хочу в эти стены, как-то резко они стали чужими, угнетающими.

Смотрю на небо: серое. Спасибо, что хоть дождя нет. Выше поднимаю воротник и судорожно решаю, куда податься. На глаза попадается кафе. А почему бы и нет. Хочу шоколадного торта с вишней и большую чашку капучино.

В голове кавардак, понимаю, что нужно делать, но совершенно не знаю, с чего начать. Одна надежда на подругу, которая съела на разводах собаку.

Вижу цель, но не вижу препятствий. Перескакивая через лужи, добираюсь до кафе и забегаю вовнутрь. На витрине стоят несколько видов тортов, но ни шоколадного, ни вишневого, ни того и другого вместе нет.

Невезуха. Всегда же был, а вот когда я захотела его – нет. И другого не хочу.

– Позвольте вас угостить?

Разворачиваюсь и налетаю на мягкий, теплый взгляд карих глаз. Бросает в жар. Отшатываюсь. Вчерашний клиент, мужчина, что прислал ромашки.

Черт, я забыла про цветы.

– Я так и не налила им воды, – произношу вслух, и, поджимая губы, тушуюсь.

– Жаль я слышу не все ваши мысли, – улыбается мужчина.

– Простите, – быстро моргаю, понимая, что сказала это все вслух, и отворачиваюсь.

– Какой хотите?

Мужчина становится рядом и тоже рассматривает десерты.

Почему-то совершенно не хочется общаться с этим мужчиной. Да вообще ни с каким. Ощущение, что я их всех теперь воспринимаю, как раздражителей, хотя конечно, они не виноваты в том, что мой муж оказался козлом.

– Спасибо за цветы, – отвечаю совсем другое.

– Мне было приятно. Спасибо, что дали повод.

Резко поворачиваю голову и вижу, что незнакомец абсолютно не пытается со мной заигрывать, просто искренне отвечает, что думает, продолжая выбирать кусочек торта.

Наверно, лучше уйти. Неуютно. Словно маленькая девочка, у которой ветер в голове.

– Так вы торт будете? – смотрит пристально и как-то чересчур уверенно.

Качаю головой.

– Нет, не могу выбрать. До свидания.

Не успеваю уйти, он снова обращается ко мне, протягивая визитку.

– Если определитесь с выбором торта или просто нужна будет любая помощь, наберите меня в любое время дня и ночи.

Вскидываю брови, изумляясь такой самоуверенности, но чтобы не нагнетать, беру карточку.

– Исаков Мирон Андреевич, владелец частной охранной фирмы... – читаю вслух и вопросительно смотрю на мужчину.

– И чем вы можете мне помочь? Мне охранять нечего, телохранители тоже не нужны.

Мужчина чуть улыбается, но пробежав взглядом по моему лицу, снова становится серьезным.

– Для вас я решу любую задачу. А, что касается фирмы, то мы занимаемся не только физической охраной. Но именно она вам и нужна.

– С чего вдруг? – не понимаю я его намеков.

– У вас синяки на шее от пальцев. Это муж сделал?

Дергаюсь, как от удара по лицу. Щеки заливают краской, стыдно до ужаса, хотя стыдиться должна не я.

Поправляю выше воротник, пытаюсь прикрыть свой позор, о котором даже не знала, разворачиваюсь и быстро выбегаю из кафе.

В душе вспыхивает смятение. Почему жертва физического насилия всегда стыдится своего положения? Словно это она садист и абьюзер, и получает от этого удовольствие.

Тру лицо. Нет, мой муж не такой, первый раз вышел из себя и уверена, больше такого не повторится. Не оправдываю его, но... Черт, скорее убеждаю в этом себя.

Мне кажется, тоже нужен психолог. Или лучше Юлька и бутылка вина.

Запрыгиваю за руль своего автомобиля и выдыхаю. Смотрю на окна кафе, этого Мирона не видно. Ну и отлично.

Странный мужчина. Нет, не странный, просто... Не знаю. Чувствую себя в его присутствии неуверенно. Точно двадцатилетка.

Так все. Скоро пять, пора ехать к личному адвокату и решать проблемы.

Завожу машину, но отвлекает звук уведомления на телефоне от незнакомого номера.

Раскрываю сообщение, и в жар бросает по второму кругу.

«Я не хотел напугать, но вы испугались. Тогда не звоните мне, просто напишите, так будет легче. Попробуйте. Как ваше имя?»

Глава 11

– Что происходит вообще?

Говорю это вслух, продолжая ошеломленно смотреть на текст сообщения. Кто дал ему мой номер? Если Леся, то уволью!

Злюсь, но понимаю, что беспочвенно.

Леся не виновата, никогда бы не дала мой личный телефон незнакомому человеку. Да и этот Мирон все же вежливый и особо личные границы не нарушает.

Выключаю экран телефона, бросаю его на пассажирское кресло и трогаюсь с места. Проезжая кафе, прилагаю максимум усилий, чтобы не посмотреть на окна, но спинным мозгом чувствую, что за мной наблюдают.

Нет, все-таки этот мужчина наглец. Непроизвольно сильнее натягиваю воротник пальто на шею, но вряд ли это спасет от цепкого взгляда Юли.

Чертов, Влад. Увидела бы синяки, надела бы водолазку. А Мирон мог бы и промолчать. Так делают воспитанные люди, которым приглашение в личную жизнь не присылали.

А я-то думаю, чего это Леся осмелилась предложить мне поехать домой. Она, видимо, тоже прекрасно рассмотрела пальцы Влада на моей шее и сделала очевидные выводы.

Пытаюсь увидеть следы своего позора в зеркале заднего вида, но ничего не нахожу.

Ладно, плевать. Никого не касается, что у меня происходит в жизни. Тем более владельцев охранных фирм.

Подъезжаю к офису подруги. Юля на месте и уже ждет меня.

– Привет, Танюша, – отрывается она от кипы бумаг и прищурено смотрит. – Ты чего как фурия?

– Заметно, да? – падаю на кресло рядом со столом. – Что-то нервы последнее время не к черту.

– Давай рассказывай. Я отменила следующую встречу, так что до конца дня я твоя.

Сажу, смотрю на подругу и не могу сказать ни слова. Не знаю, с чего начать. Или знаю, но сказать об измене Влада вслух, словно признать свое поражение, несостоятельность как жены, как женщины, которая не смогла сохранить самое дорогое, что было в моей жизни – семью.

Сглатываю ком, но слезы предательски давят на глаза, и я отвожу взгляд на окно.

– Так, понятно, – Юля встает, наливает стакан воды и ставит передо мной. – Влад накосячил?

Киваю.

– Ударил?

Отрицательно качаю головой.

– Что нет? Шею свою видела?

– Да, что там с этой шеей? – выдавливаю, наконец, из себя, встаю и подхожу к зеркалу. – Твою же мать.

С левой стороны четко виден один круглый синяк, а справа – три, которые безапелляционно дают понять, что это форма подушечек пальцев.

– С утра не было так явно все, поэтому не заметила, – возвращаюсь к столу. – Юль, я застукала своего мужа на другой. Он в целом не отнекивается, оправдывая себя возрастом, и что хочет нагуляться перед пенсией. Меня типа терять не хочет, просит все забыть и жить как жили. А я не могу, понимаешь? Вчера вышел из себя, повалил на кровать... – тру шею в местах синяков. – Ничего не сделал, кроме этих следов, но... Я хочу развода.

– Придурок! Конечно, понимаю. А у этих одна всегда песня: бес попутал, не устоял, был пьян, прости, жить без тебя не могу. Знаешь, сколько женщин рассказывает об одном и тоже?

– Представляю. Юль, я реально не знаю с чего начать. Единственное понимаю, что дом потеряю, магазин придется делить, его компанию тогда тоже. Машину мою мы в браке покупали, его тоже.

– Машины останутся при вас. Он же не полный кретин, чтобы требовать продажи машин, чтобы деньги делить пополам. У кого дороже авто?

– У него. Нет, я тоже думаю, что у каждого останется своя машина. Ему так будет выгоднее, а я не хочу играть с продажами. Дом в любом случае пополам?

– Да, это совместно нажитое имущество. Ипотеку вы выплатили, насколько помню, участвовали оба примерно одинаково.

– Да, Влад тоже из бизнеса тянул деньги на погашение.

– Если он сам не откажется в твою пользу, то суд назначит делить. Вероника в курсе ваших разборок?

– Нет. Не знаю как сказать, да и не хочу пока втягивать. У нее сессия сейчас, пусть ребенок учится.

– Она у вас совершеннолетняя, поэтому за счет ребенка долю при дележке не увеличить.

– Да, я это тоже знаю. Юль, – поджимаю губы, и с такой надеждой смотрю на подругу, что чувствую себя беспомощной. – Знаешь, что хотела попросить тебя? Все так сложно... Но, я не могу остаться полностью у разбитого корыта.

– Говори уже.

– Купи у меня магазин. Я по другому не смогу сохранить его. Добавим тебе ОКВЭД и оформим договор купли-продажи по минимальной цене. Здание в аренде, здесь проблем не будет. Я закрою ИП, но продолжу управлять бизнесом. Ты будешь только на бумагах. А

потом, после развода, провернем все обратно. А в качестве благодарности этот период будешь забирать себе процент от продаж. Пожалуйста, я никому больше не могу доверять, как тебе. Если Нику просить, то это она должна сюда из Москвы поехать. А так я все потеряю. Пока дом этот продадим, придется на съемной квартире жить наверно. Потому что с Владом в одних стенах я не смогу быть так долго. А там, может, квартиру какую себе прикуплю.

Юля молчит и серьезно так смотрит на меня, что все надежды разлетаются в пух и прах. Я понимаю ее, кому нужны такие заморочки.

Но тут она не выдерживает и начинает смеяться.

– Танюша, я тебя обожаю. Вот это клиент, я понимаю. Уже все придумала, и убеждать ни в чем не надо. Конечно, я тебе помогу. Ты единственный человек, который два года назад буквально выдернула меня из депрессии. Я никогда не забуду, когда ты поставила передо мной ту маленькую эксклюзивную баночку духов и назвала цену. Я хотела уйти, но ты взяла меня за локоть и сказала: «Я могу вам ее подарить, женское сердце дороже ароматной водички, сколько бы оно ни стоило. Только, чтобы почувствовать себя достойной лучшего, нужно это купить за собственные деньги. Это даст чувство любви к себе. Потому что женщина никогда не должна жалеть на себя деньги. Тем более если их заработала сама. Подарок вам этого состояния не принесет». И я же купила. И реально перестала чувствовать себя ущербной, и что теперь на меньшее не согласна. А то вечно все мужу, ребенку, в дом, в холодильник. Короче, Таня, я очень хорошо тебя понимаю, поэтому помогу тебе со всем. И не нужны мне твои проценты.

– Спасибо, Юль. Я знаю, ты хорошая подруга, просто я так неуютно себя чувствую в новой роли будущей разведенки. Я останусь одна, а это... очень непривычно. Я с двадцати лет с Владом, и сейчас чувствую себя потерянной.

– Тань, это реально тяжело. Двадцать пять лет брака, в постели с одним мужчиной, зеркало, которое слишком прямолинейное, но если ты закроешься и превратишься в монашку, то то, чего ты так боишься, с тобой и случится. Это пресловутое одиночество. Но я не дам тебе засесть в четырех стенах. Танюш, мы молодые в любом возрасте, главное – любить себя и свою жизнь.

– Знаю. Мои же слова мне возвращаешь. Спасибо, Юль. Чтобы я без тебя делала?

– То же самое, только одна. А знаешь, Таня, ты страшная женщина.

– Э, что начинается? – пытаюсь пошутить я, чувствуя, что благодаря поддержке подруги на душе становится чуточку легче.

– А то! Но это комплимент. Твой бизнес переоформим, подадим иск в суд и раздербаем компанию твоего благоверного. Все правильно. Пусть Влад платит по счетам.

Глава 12

Несколько дней я занимаюсь подготовкой к разводу. С Юлей мы все еще раз тщательно обсудили, и на следующей день она занялась расширением своих видов деятельности, а я подготовкой к закрытию ИП.

Конечно, никому больше о своем плане я не рассказала, а внешне все выглядит так, словно я навожу порядки в учете.

Остался еще один важный момент, который можно решить только с Владом. Мне нужен список поставщиков моей парфюмерии.

Не то, чтобы я не могу работать с другими, но когда твой товар эксклюзивный, то сотрудничать с непроверенными людьми – себе дороже.

Это не только ценовая политика и скорость доставки, это в первую очередь качество, надежность которого проверяется годами. Нарваться на мошенника или на недобропорядочного поставщика в моей сфере легко, разбавленные флаконы, подделки и банально наглая реплика – это то, на чем часто прогорают новички.

Поэтому список моих поставщиков мне очень важен. Все эти годы мы с Владом работали как партнеры, а так как поставка парфюмерии была на его ответственности и проходила через его логистику, у которой налажена система контроля на таможне, то контакты этих компаний я просто не знаю.

Откровенно говоря, я в этом деле мало что понимаю. У таможни своя бюрократия и правила, и в этом вопросе я полностью доверяла мужу.

Полдня в налоговой, как из жизни выброшенное время, но я справилась. Теперь нужно заехать в магазин, забрать сводный отчет для Юли и домой.

Дом. От одного слова буквально передергивает. Как быстро мое уютное гнездышко стало для меня местом тоски и непроходящего напряжения.

Влад перестал задерживаться с работы, все вечера пытается строить из себя хозяина и мужа, а меня буквально тошнит от такой резкой смены поведения.

В целом, он всегда решал крупные бытовые проблемы, и как мужчина был участлив ко мне, но сейчас я словно чувствую весь этот фарс и ложь, которой пронизано каждое слово, движение, взгляд.

Влад не давит, терпеливо ждет, когда я растаю и снова стану для него заботливой женой. А я не могу. Ложусь в нашу семейную постель и мысли только о его любовнице, которая так цинично идет по головам, не задумываясь, что причиняет людям боль.

Сколько я смогу еще играть роль женщины, которая усердно работает над тем, чтобы простить мужа? Сил нет. Влад, хоть и спит в гостиной на диване, но все равно его присутствие в доме выворачивает эмоции наизнанку.

Я готовлю ему завтрак, прихожу домой, вожусь с ужином, стираю его одежду, провожаю на работу, при этом тихо плачу про себя от понимания, что эти руки трогали другую, улыбка, нежный взгляд, все в нем было отдано не мне.

Но стиснув зубы, я лицемерно улыбаюсь и продолжаю свой спектакль, ради себя, ради своего будущего.

Я никогда не была настолько пропитана ложью, как сейчас, даже не знала, что способна на это, но обстоятельства умеют прогнуть и достать из подвалов души самое худшее, что есть в человеке.

– Привет, Леся! У нас все хорошо? Я за отчетом заехала.

Леся только проводила клиента и расставляет по местам флаконы.

– Да, Татьяна Александровна. Кстати, вы говорили, что сегодня приедет новая поставка, но почти вечер, а ее нет. Мне нужно будет задержаться после закрытия магазина?

– Хм. Интересно. Владислав Сергеевич не предупреждал меня, – вскидываю брови. – Нет, Леся, иди домой. Никто курьера ждать не будет. Не успевает, значит, приедет с утра.

Забираю нужную папку и собираюсь уходить.

– Татьяна Александровна, совсем забыла. Здесь вам просили передать.

Леся догоняет и протягивает мне что-то тоненькое и плоское, упакованное в крафтовую бумагу.

– От кого это? – верчу в руках посылку. – Книга там, что ли? Спасибо, Леся.

Девушка пожимает плечами, а я выхожу и сажусь в машину. Сначала хочу отбросить сверток, но любопытство все же побеждает.

Нутром чувствую от кого это, поэтому и не спешу.

С одной стороны, не хочу я никакого мужского внимания, но с другой, неведомым образом этот мужчина и его ненавязчивые жесты словно подпитывают меня энергией, будто бы незримая поддержка дает силы в борьбе с моими же внутренними демонами.

С Владом я справлюсь и так. Оказывается, я не умею прощать. А вот собственные комплексы – это враги похлеще.

И этот Мирон, пусть где-то там, но дает мне понять, что я незаслуженно брошена, обманута, предана. Что я по-прежнему интересна, привлекательна и вызываю желание оказывать мне внимание.

Как он сказал?

«Спасибо, что дали повод»?

Вот, некоторым в удовольствие ловить моменты и превращать их во что-то запоминающееся.

Ладно. Вскрываю посылку, разрываю бумагу в клочья и пораженно смотрю на предмет в руках.

– Серьезно? – пытаюсь скрыть улыбку, но ничего не выходит. – Дневник желаний?

С ярко-розовой обложки на меня смотрит красивая, молодая девушка, идеальная, словно куколка. Хитро прикусив карандаш, она мечтает о воздушном пирожном, которое изображено над головой в облаке ее мыслей.

Книжка небольшая, но факт ее появления у меня в руках обескураживает.

Простите, я взрослая тетя, знающая, чего хочу, получаю в подарок от незнакомца блокнот для записей своих желаний?

Испытываю противоречивые чувства. Правда. Я не понимаю, что этим хотел сказать даритель, но при этом предательская и самая смелая бабочка порхает где-то в животе.

Открываю первую страницу, и на колени выпадает небольшая записка.

Так, объяснение близко. И снова эта непрошенная улыбка на моем лице.

«Вы, как и все девчонки, не знаете чего хотите, даже десерт не можете выбрать, что уже говорить о глобальном. Заполните несколько страниц и верните дарителю. Помните, да? Это так принято. Начните с мелочей, и вы удивитесь, сколько себя лишаете».

Вот же наглец! Отбрасываю блокнот на пассажирское сидение и прикрываю рот кончиками пальцев, пряча всю ту же улыбку.

По дороге домой не могу выкинуть подарок из головы. Вот вроде ничего особенного, а настроение поднялось, даже внутренняя девчушка проснулась и ходит по мысленной комнате, пытаюсь придумать, чего бы она хотела из мелочей?

И правда, ничего в голову особо не приходит.

Ладно, сыграю в эту игру с Мироном и перед сном попробую заполнить дневник.

Звонит телефон.

– Да!

– Танюша, привет! Дело сделано, – веселый голос Юли подбрасывает дровишки в хорошее настроение.

– О чем ты конкретно?

– ОКВЭД добавила, доки твои изучила, в целом можно идти оформлять договор купли-продажи.

– Моя ты хорошая! Спасибо, Юляш. Завтра запишу нас к нотариусу на ближайшую дату. Обнимаю.

Юля отключается, а я негромко врубаю радио и даже позволяю себе подпевать под знакомую песню.

Нет, нельзя радоваться раньше времени. Можно и сглазить. Но внутри действительно настолько легко, что впервые за неделю я еду домой и не напрягаюсь, что снова проведу вечер в стенах с предателем. Мои кошки с острыми когтями попрятались по углам и не дерут и без того, разорванное сердце.

Перед домом кошусь на дневник желаний, поджимаю губы, но все же беру его с собой.

Пошло все к черту. Мне самой стало интересно, а есть ли у меня эти желания вообще? Такой задор почувствовала, словно действительно молодая девчонка, перед которой вся жизнь впереди, мир у ног, и я столько всего хочу, но не знаю, с чего начать.

Захожу в холл, разуваюсь и вижу перед глазами мужские ноги.

Поднимаю взгляд.

– Привет, Танюша. А я тут решил ужин для нас приготовить. Помнишь, ты когда-то любила мои неказистые манты. Подумал, почему бы не вспомнить былое.

С удивлением смотрю на Влада, но глаз падает за его спину, на тумбочку, где у ножки на полу лежит тоненький оранжевый шарфик.

Хмурюсь, ставлю обувь на пол, пока муж фоном продолжает втирать мне про прекрасное прошлое, иду к объекту внимания и беру его в руки.

– Еще Ника звонила, сказала, что завтра прилетает домой. Не понял, почему так внезапно, но, может, ты с ней говорила?

Медленно разворачиваюсь к Владу и пораженно смотрю на этого подонка. Веселое настроение испаряется, легкость на душе сменяется удушающей тяжестью, руки начинают подрагивать, и я понимаю, что ничерта я не сильная. Он за секунду лишил меня всей выдержки.

– В любом случае это здорово, – продолжает вешать лапшу на уши мне Влад. – Соберемся всей семьей. Может, сходим потом куда-нибудь вместе. Что скажешь?

Делаю глубокий вдох и выдох, но не помогает.

– Где в этом доме ты с ней трахался?

Глава 13

– Что? – Влад стоит с кухонным полотенцем в руках, а на губах застыла идиотская улыбка.

Так всегда палятся вруны, когда выражение лица не соответствует внезапной паники в глазах.

– Я спрашиваю, где здесь в доме ты трахал эту маленькую стерву? – цежу буквально каждое слово.

– Таня, ты с ума сошла? Нигде! Ее здесь не было.

Влад перекидывает полотенце через плечо и скрещивает на груди руки.

Неосознанная защитная реакция? Подонок!

Хорошего настроения как не бывало. В один момент внутри зарождается бомба замедленного действия, кровь приливает к голове, и я слышу ее бешеный шум в ушах.

Сердце стучит отбойным молотком, я дышу, как затравленный бык на ринге. Держать себя в руках удастся с трудом, затрачиваю на это все силы, но все равно чувствую, что с выдержки медленно, но уверенно слетает пелена воспитанной леди.

– Не смей мне больше врать! Имей хоть каплю уважения, хотя бы к себе. Если ведешь себя как скотина, то имей смелость признаться в этом!

– Таня, следи за словами, – повышает тон Влад, – я не собираюсь терпеть твое неадекватное поведение. Мы все обсудили, пришли к перемирию! Ты сказала дать тебе время, я даю. Что тебе еще надо? Веду себя нормально, вчера починил дверь на балконе, позавчера заменил смеситель. Сегодня хотел сделать приятно и вот готовлю манты. А ты пришла домой и как фурия снова на меня налетела.

– Тогда что это? – машу рукой в воздухе, показывая гадский шарфик.

– Я откуда знаю? Платок какой-то. Ты из-за него, что ли? Таня, может, это тебе к психологу нужно?

Лучшая защита – это нападение, так, что ли? А взгляд-то изменился, лишь секунду был затравленный, теперь агрессия так плещет из глаз.

– К психологу мне нужно не из-за шарфика, а из-за мужа, который трахнул первую попавшуюся малолетку, а жене говорит, что она уже не комифо, а у него достоинство выше крыши стоит, и его потенциал нужно с лихвой исчерпать до климакса.

– Да иди ты! – зло бросает муж. – Я, конечно, не прав, что изменил тебе, признаю и не отнекиваюсь, но я объяснил тебе причины, и для меня они важны. Мне жаль, что мы настолько отделились друг от друга, что ты тупо не хочешь меня услышать.

– Влад! – от такого лицемерия у меня одновременно открывается рот, и расширяются глаза. – Перестань. Роль бедной овечки тебе не идет. За метр видно, насколько ты плохой актер. Передай Это своей девице, – бросаю шарфик в мужа, – и скажи, чтобы впредь тебя не подставляла. Если только она не специально обронила его сегодня.

– Да хватит уже! Никого у меня здесь не было. Это твой, наверно, или Ники.

Влад краснеет от злости, разворачивается и уходит на кухню, но меня уже не остановить.

– Ты действительно думаешь, что я не узнаю свою вещь? Если я тебе положу в комод чужие мужские трусы, ты тоже не поймешь, что они не твои? Хотя куда тебе, ты же ничего сам не покупаешь. А я вот сама себя одеваю и четко знаю, есть ли у меня оранжевый платок или нет.

– Значит, Ники! Что ты прицепилась ко мне с этой тряпкой?

– Твоя дочь не живет здесь уже несколько лет. Отец года. Каждую ее вещь я тоже знаю наизусть. И в любом случае, даже если бы этот платок был ее, что он делает внизу у тумбочки?

– Мне откуда знать? – рявкает Влад, отворачивается ко мне спиной и снимает крышку с пароварки.

Вижу эти чертовы манты, и внутри все выворачивается наизнанку.

Я помню, как он хвастался, что это его коронное блюдо, и только их он умеет готовить. Помню, как вот так же двадцать лет назад он хотел порадовать меня, потому что Ника долго болела, и я была просто вымотана бессонными ночами, и на готовку совершенно не было сил. Помню, какие манты получились страшненькие, неказистые, по вкусу отличные, но на вид абсолютно нелепые.

А сейчас он достает свое творение и они идеальной формы, лепесток к лепестку. Да быть такого не может. Он за всю нашу совместную жизнь лепил-то их два раза. Когда же научился так профессионально сводить тесто?

И тут меня осеняет догадка, еще хуже, чем с этим платком.

– Их не ты лепил, – говорю подозрительно тихим голосом. – Ты не умеешь так идеально. Влад! Их твоя девка делала, да?

Муж стоит полубоком, продолжает молча доставать манты, а на лице в бешенстве ходят желваки.

– Да будь мужиком и скажи, она была здесь, да? Трахалась с тобой на нашей постели? Помогала тебе готовить, чтобы что? Замылить мне глаза, пыль пустить? Чтобы продолжать встречаться за моей спиной? Так все? Влад! Только зачем? Просто уходи к ней и не нужно мучиться и строить из себя порядочного мужа! К чему это? Ответь, черт тебя возьми!

Влад с грохотом ставит тарелку на стол, да так, что некоторые манты выскакивают на рабочую поверхность. Он хватается крышку, обжигается, и та летит со звоном на пол.

– Да! Таня! – подлетает ко мне, и я вижу, насколько искажено в ярости его лицо. – Соня была здесь сегодня! Ты это хотела услышать? Я сначала трахнул ее на нашей постели, потом на столике в гостиной, мы вместе принимали душ и нежно вытирали друг друга. Пили кофе и да, это она помогла слепить эти сраные гигантские пельмени, которые, конечно же, ты теперь есть не будешь!

Влад в два шага возвращается к столу, хватается тарелку и вытряхивает содержимое в мусорное ведро. В психах неаккуратно бросает тарелку в раковину, и она раскалывается на три части, как и мое сердце.

Меня откровенно колбасит, нервы сдали, и тело реагирует безумной тряской. Вижу в раковине эти две мерзкие чашки из-под кофе, подлетаю к ним и как сумасшедшая с размаха разбиваю об пол.

Звук разлетающейся керамики словно срывает последние оковы.

Бегу по лестнице наверх, залетаю в спальню и, ничего не соображая и не видя больше перед собой, срываю с кровати одеяло, простынь, пытаюсь ухватить сразу две подушки, но путаюсь ногами в ткани и падаю на колени.

Рычу раненой самкой, встаю, все же подтягиваю подушки к себе и, зацепив одеяло, тащу все вниз.

– Что ты творишь? – Влад стоит у подножия лестницы, и видно, что он зол не меньше меня.

– Мне противно даже думать, что на моих простынях лежала какая-то шлюха, не то чтобы стирать за вами.

Вылетаю во двор и запикиваю все в бак для крупного мусора.

Возвращаюсь, мчусь в ванну, срываю с крючков все полотенца и выкидываю туда же.

Где они еще были? Гады, ненавижу! Совести нет вообще, мерзкий предатель.

Пока я ищу причины в себе, что именно мой возраст дал трещину в наших сексуальных отношениях, этот подонок разгуливает без трусов по дому с молодой эгоистичной тварью.

Стою посреди холла, в бешенстве оглядываюсь, а в голове орет и мигает красный сигнал бедствия.

Стол в гостиной! Точно!

Несусь туда, срываю кружевную скатерть со стола, брезгливо комкаю и бросаю на пол. Вижу телефон Влада на кресле. Переключаюсь. Мне нужны контакты поставщиков.

Подхватываю мобильный, пытаюсь разблокировать, я знаю пароль, но ничего не выходит.

Запястья больно сжимают в тиски. Влад рывком разворачивает меня к себе и в гнев рычит.

– Телефон отдала!

– Мне нужны контакты моих поставщиков!

– Зачем?

– Не твоё дело!

– Значит, и не получишь! Что ты творишь?

А я пытаюсь вырваться. Тяну руки, но хватка мужа настолько сильная, что попытки только причиняют боль.

– Ты подвел по всем фронтам. Сегодня не приехала машина с товаром, – кричу я ему в лицо, понимая, что все, край, истерика на грани. – Отдай чертёвы контакты! Семью разрушил, хочешь и моё дело уничтожить?

– Оно такое же твоё, как и моё! Пока у тебя нет связи с поставщиками, ты связана со мной. Считай, это моя страховка, чтобы ты никуда не делась!

– Ах ты, гад ползучий, – первые слезы уже срываются с ресниц, и на взводе я впервые совершаю такую роковую ошибку.

Вскидываю колено и заряжаю им в пах своего мужа, а в ответ, как в замедленной съемке вижу, как с диким воем он заносит надо мной свою руку.

Нет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.